

такъ безжалостно кверкавшій Жадова, или артистка Берсъ, не менѣе храбро расправлявшаяся съ Полинной.

Теперь эта страшная мысль—увы!—перешла въ еще болѣе страшную дѣйствительность—Михаила Провыча не стало.

Ушелъ одинъ изъ послѣднихъ. Изъ могиканъ. Одинъ изъ „творцовъ“ Малой сцены, отдавшій ей не только себя, не только свою душу, но и семью. Да—семью.

Самъ Михаилъ Провычъ — сынъ большаго отца, сынъ великаго Прова Михайловича Садовскаго. Его жена, — сегодня уже вдова, — Ольга Осиповна Садовская. Лучшая старуха русской сцены. Носительница высокихъ завѣтовъ Островскаго. Сынъ — молодой jeun - premier Провъ Михайловичъ, тезка своего знаменитаго дѣда. Дочь — Елизавета Михайловна. Цѣлое созвѣздіе Садовскихъ. Пусть молодежь уступаетъ родителямъ. Важно-то, чего сейчасъ уже нѣтъ. Важно то барство сцены, которое создавало эти „дворянскія гнѣзда“ театра. Одно изъ такихъ дворянскихъ гнѣздъ—семья Садовскихъ.

Здѣсь не школа Адашева или Ухова, здѣсь школа крови. Школа прививокъ. Послушайте, какъ говоритъ семья Садовскихъ. Этому тону, этой рѣчи нельзя пріучить. Ее нужно впитать. Посмотрите, какъ ходятъ на сценѣ Садовскіе. Этому не научить ни одинъ учитель пластики. Это порода. Это то, что теперь уже осталось тамъ—за оградой „дворянскаго гнѣзда“.

„Шире дорогу, Ермолай Лопахинъ идетъ“. Теперь онъ владѣлецъ этого „гнѣзда“. Онъ господинъ сцены. Онъ вырубитъ „вишневый садъ“ и понастроитъ дачи. Фабрики съ дымящимися трубами.

Можетъ-быть, нужны и фабрики. Кто спорить. Садовскіе умираютъ. Плодятся Лопахины. И они, если хотите, любятъ сцену. Любятъ ее по-своему, по-купечески. Они создаютъ „художественные театры“, швыряю-

ще десяткитысячъ на „Синихъ птицъ“. Они создаютъ декораторовъ, изучающихъ на мѣстѣ какой-нибудь норвежскій орнаментъ или голландскій костюмъ. Они создаютъ режиссеровъ, сидящихъ надъ фоліантами и роющихъ въ пыли архивныхъ библиотекъ. Они создаютъ школы, въ которыхъ обучаются Лопахины-же. Обучаются говорить, двигаться, смѣяться, плакать.

Это у нихъ называется техникой. Получивши нужный запасъ этихъ техническихъ свѣдѣній, они „кончаютъ школу“ и идутъ на сцену. Играютъ. Одни — лучше. Другіе — хуже. Но играютъ.

Такіе Лопахины играли и въ юбилейномъ спектаклѣ покойнаго Михаила Провыча Садовскаго. Они ужъ не знаютъ тайны „дворянскаго гнѣзда“. Они не слышали ибсена соловьиной. Они не видѣли ливневыхъ аллей. Они не баре искусства, они—разночинцы отъ него.

Развѣ есть сейчасъ „семья Садовскихъ?“ Есть семья Ивановыхъ, Споровыхъ, Козловыхъ, гдѣ одинъ братъ актеръ, другой владѣлецъ суконнаго склада, третій—попросту ростовщикъ. Во всякомъ ремеслѣ можно быть искусникомъ, —разсуждаютъ они. Они свободно балансируютъ всѣми, на одной чашѣ которыхъ, гиря искусства, а на другой—ремесла.

„Дворянское гнѣздо“ Садовскихъ имѣетъ свою книгу. И въ главѣ, посвященной покойному Михаилу Провычу, не мало яркихъ страницъ. Эта глава писалась сорокъ лѣтъ. Тутъ и Хлестаковъ, какихъ сейчасъ нѣтъ, и Несчастливцевъ и цѣлая галлерей другихъ типовъ великаго Островскаго. Въ адресѣ Литературно-Художественнаго кружка ко дню сорокалѣтняго юбилея М. П. совершенно вѣрно отмѣчалось: „Малая сцена знала замѣчательныхъ Хлестаковыхъ—Шумскаго и Васильева. Къ этимъ именамъ прибавилось и не потускнѣло съ ними рядомъ имя Михаила Садовскаго. Хлестаковымъ навсегда закрѣплено это имя въ исторіи русскаго театра“.